

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ ПО ДАННЫМ «ХРОНИКИ ЛИВОНИИ» ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

В начале XIII в. в Прибалтику, где в то время разыгрывались полные драматизма события, именуемые «обращением язычников в веру христову», прибыл служитель церкви; спустя два десятка лет он написал историю покорения Прибалтики, дошедшую до нас под названием «Хроника Ливонии». Автором «Хроники» принято считать Генриха, священника, близкого епископскому двору Альберта. Автор прямо нигде себя не называет, и только почти два столетия изысканий (начиная с середины XVIII в., со времени выхода «Хроники» в свет) выдвинули и утвердили в исторической науке авторство Генриха, по прозвищу Латвийского.

«Хроника Ливонии» — источник для воссоздания не только политической истории страны. Среди повествования о страстной и, по признанию автора, героической борьбе народов Прибалтики за свою свободу вкраплены как бы небрежно высказанные замечания историко-этнографического характера. Правда, им отводится не первостепенная роль; на первом плане — обращение паствы в веру христову, борьба всеми доступными воинствующей церкви средствами¹.

Сообщения Генриха о земледелии и общественном строе, военном деле и городской жизни как бы растворены в насыщенной, полной жизненной правды повести о политической истории Прибалтики первой четверти XIII в., но извлеченные и сопоставленные с контекстом, эти сведения начинают терять свой случайный характер. Становится понятным, почему у автора появляется интерес к внутренней жизни страны, где ему суждено было прожить долгое время. Генрих хорошо изучил новую ему страну и живущие там народы: он понимает ее специфику, отдает дань ее культуре, сам невольно втягивается в нее; недаром живая речь леттов, ливов, эстов нет-нет и ворвется в традиционную, освященную поколениями средневековую образованность — латынь автора.

Генрих старается записать только то, что он либо видел сам, либо слышал от очевидцев. В 1210 г. при осаде курами Риги он находится в городе, и в «Хронике» появляется запись об их обычаях². В следующем году, когда приход, где он был священником, разоряется эстами, он упоминает об их богах³. Выступая как переводчик в переговорах представителей церкви с ливами и леттами, он подмечает их обычай закреплять заговор против врагов своих клятвой на оружии, наблюдает их жертвоприношения в честь победы над врагом⁴. Находясь свыше года вдали от Ливонии, он в это время ничего не пишет об ее внутренней жизни, но, возвратившись и участвуя в походе 1217 г. на эстов и затем обосновавшись в их стране для массового крещения населения,

¹ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение. Перевод и комментарии С. А. Аннинского, 1938, стр. 63—64.

² «Хроника». XIV, 5.

³ Там же, XV, 3.

⁴ Там же, XVI, 4.

Генрих сразу сообщает довольно много сведений о верованиях эстов; тут выступают и боги их, и поклонение их священным рощам, и обряды, связанные с жертвоприношениями, и представления о загробной жизни⁵. То, что Генриху не пришлось видеть самому, он передает со слов очевидца, подчеркивая это: «Один священник, бывший в то время в плену у литовцев, рассказывал, что там пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились»⁶. В его сведениях, хотя далеко не всегда объективных, нет ничего фантастически преувеличенного или легендарного, как это бывает с известиями, полученными издалека, как слух, об интересующем автора народе. Генрих писал на основании близкого знакомства с народами Ливонии.

Известия Генриха о культе и верованиях по большей части — свидетельства очевидца, по-своему трактующего встреченные им явления духовной жизни народов Прибалтики; он пользуется ими как штрихами для обрисовки образа противника, особенно в тех случаях, когда этот противник усиливает стремление сохранить свою самостоятельность в борьбе с наступающей немецкой агрессией. Приверженность языческим обрядам должна выставить в непривлекательном виде ливов и эстов и другие племена, их свирепость, кровожадность, надругательство над христовой церковью. Ценность же этих свидетельств Генриха в том, что он первый сообщил о духовном мире народов Прибалтики; сообщения эти в ряде случаев подтверждаются прибалтийской археологией и этнографией и находят себе аналогии в соседнем славянском мире и за его пределами.

Общезвестно поклонение языческих народов священным рощам и деревьям: в одном только соседнем с народами Прибалтики славянском мире встречаем у Титмара Свентобор, священную рощу лютичей⁷; Гельмольд видел священные дубы, под которыми приносились жертвы местному божеству; в житии Оттона упоминается священное ореховое дерево полабских славян близ Штеттина⁸, также и у восточных славян жертвоприношения совершались под большим дубом, и устав Владимира упоминает тех, «кто молится в рощениях»⁹. Об этом пишет и Генрих под 1220 г. о преследуемых немцами эстах: «и гнались за ними тевтоны из деревни в поле вплоть до рощи (lucum) и этот их священный лес (sanctam silvam) обгарили кровью многих убитых»¹⁰. Когда покоренные немецкими рыцарями летты были вынуждены идти войной против эстов, они, идя на приступ, призывают на помощь священный лес¹¹. Сам великий бог эзельцев родился там, где был красивый лес (silva pulcherrima)¹². Священные рощи служат, повидимому, и местом укрытия, ибо преследуемые эсты устремляются именно туда, считая их, очевидно, недоступными для врагов.

Наряду с общими упоминаниями об идолопоклонстве и верованиях можно выделить у автора группу высказываний, связанных с верховным божеством эстов — Таром. С Таром, или, по Генриху, Тарапитой (принимая, как это показал еще в середине XVIII в. первый издатель «Хроники» Грубер, возглас «Тар абита», т. е. «помоги Тар», за обозначение божества), встречаемся в связи с разными эпизодами «Хроники». Генрих пишет о том, что эсты верили, что Тар родился в одной из областей Эстонии — Виронии: «Там была гора и очень красивый лес и,

⁵ «Хроника», XV, 3, 5; XXVI, 7, 8; XXX, 1, 4.

⁶ Там же, IX, 5.

⁷ Титмар Мерзебургский, Хроника, Перевод С. А. Аннинского. VI, 37 (цит. по рукописи).

⁸ См. А. Гильфердинг, История Балтийских славян, 1874, стр. 191.

⁹ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, 1848, стр. 29.

¹⁰ «Хроника». XXIII, 9.

¹¹ Там же, XXX, 4.

¹² Там же, XXIV, 5.

как говорили местные жители, родился великий бог эзельцев, именуемый Тарапита, который оттуда улетел на Эзель. Один из священников пошел и срубил бывшие там изображения и идолы их богов (*imagines et similitudines deorum suorum*), и дивились люди, что кровь не течет»¹³. Наряду с Тарапитой, верховным божеством, существуют другие — прочие боги, как их называет Генрих: «Ибо эсты повели с собой священников в свои замки, проводников Христа, чтобы свергнуть Тарапиту с прочими языческими богами (*diis ceteris paganorum*)»¹⁴. Осаждаемые немцами эсты кричат, обращаясь к Тарапите за помощью¹⁵.

Изображения богов ливов, судя по некоторым косвенным свидетельствам Генриха, были просты и незатейливы, они были деревянными. Один лив, который явился якобы из лесной глуши, так описывает своего бога: «Я видел, говорит, бога ливов, который предсказал нам будущее, образ его от груди и выше рос из дерева (*utago eherseus ex arbore*) и сказал мне, что завтра придет литовское войско»¹⁶. В передаче автора, во внешнем облике бога сохраняется связь с деревом, первоначально, вероятно, обожествлявшимся ливами, т. е. как бы фиксируется переход от обожествления дерева к придаче этому дереву некоего человеческого образа («от груди рос из дерева»). О том, что ливы поклонялись деревянным богам в образе человека, свидетельствует и другой, приводимый Генрихом случай. Когда после ушедших немцев были найдены вырезанные ими из дерева человеческие изображения, ливы приняли их за саксонского бога, которому приписывали зло, принесенное введением христианства, сняли голову этому изображению и отправили его обезглавленным за море, вслед за отплывшими из Ливонии немцами.

У полабских славян, например, жрецы были отдельным сословием, отличавшимся от других своим внешним видом; они участвовали в собраниях знати и владели богатствами; они были посредниками между божеством и человеком и одни имели возможность входить во внутренность храма, заботились о священных изображениях и священных предметах. Жрецы имели власть над народом, они приносили жертвы, были истолкователями гаданий. Такой категории в «Хронике Ливонии» мы не встречаем. Генрих приводит широкую номенклатуру терминов общественной власти, существовавшей в стране до прихода немцев; он упоминает старейшин (*seniores*), князя (*princeps*), короля (*rex*), вождя, (*dux*), верхушку Эстонии (*Caput Estoniae*), лучших (*meliores*) могущественных (*potentiores*), богатых (*divites*), знатных (*nobiles*). Среди этих обозначений, отражающих развитый общественный строй распадающегося варварства, Генрих не находит обозначения для лица, профессионально связанного с служением божеству. Конечно, очень вероятно, что во время военных походов, описываемых Генрихом, руководство ритуальными действиями переходило к той общественной прослойке, которая выступала в качестве военных и политических вождей, т. е. в первую очередь к старейшинам. Вестгард, вождь семигаллов, сам занимается гаданием об исходе сражения и, видя, что жребий выпал благоприятный, ищет союзников¹⁷. Зато в том единственном случае, когда у Генриха описывается гадание в мирной обстановке, появляется упоминание о кудеснике (*ariolus*), подтверждающее существование категории жрецов и истолкователей гаданий¹⁸.

Большие возможности в воссоздании картины древних верований дают описания самих обрядов; сюда врезается, часто помимо воли

¹³ «Хроника», XXIII, 9.

¹⁴ Там же, XXX, 5.

¹⁵ Там же, XXX, 4.

¹⁶ Там же, X, 14.

¹⁷ Там же, XII, 2.

¹⁸ Там же, I, 10.

автора, жизнь народа. Например, обряд гадания, во многом напоминающий подобные в славянском мире, выглядит в «Хронике» так: «Собирался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении, кладут копые, конь ступает через него и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни (гадали о том, даровать ли жизнь захваченному ливами священнику.— Ф. Г.); кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы сбросить бога; когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил ногой жизни»¹⁹. Бросается в глаза сходство отмеченного Генрихом обряда с обычаем гадания священным конем у балтийских славян, о чем сообщает Саксон Грамматик; коня проводили через воткнутые крест-накрест копыя, находившиеся на равном расстоянии друг от друга. Если конь ступал правой ногой прежде, чем левой, то это считалось хорошим предзнаменованием, если наоборот, то дурным. Впрочем, описание гадания с копыем встречается не только у Саксона, оно имеется и у Титмара Мерзебургского: «Со смиренной покорностью,— пишет он,— над воткнутыми в землю крест-накрест остриями двух копьев и, уже бросив перед тем жребий для гадания, вновь теперь гадают, пользуясь конем, как чем-то божественным»²⁰.

Возможность предположить подражание Генриха этим средневековым хронистам, конечно, исключена; мы имеем сходные тексты, но не тождественные. У Генриха описывается вполне конкретный случай этого гадания (возможно ли даровать жизнь пленному священнику), в то время как в остальных двух случаях гадание происходило в связи с отправлением на войну.

В остальных случаях гадание выглядит, как метание жребия, как испытание судьбы. Сам «жребий» выступает как наименование судьбы: *sors*, *auxilium deorum suorum sortibus*, *deorum suorum sortes*, *mittentes sortes*.

Небольшая разница в оттенках все же сохраняет за словом *sors* значение «жребия». Куры гадают, желая знать, какое время будет удобнее для битвы; семигаллы желают иметь ответ на определенный вопрос, а именно: знают ли литовцы об их приближении? Иногда это слово употребляется в более общей форме: «но пал в иную сторону жребий их богов»,— говорит он об эстах, замыслы которых о нападении на немцев рухнули²¹. Жребий бросают летты, чтобы узнать, от кого им принять христианство — от русских или латинян²², и, наконец, жеребьевкой решается боевое построение войска (кому занимать середину, кому быть во фланге). Таким образом, метание жребия, как его описывает Генрих, наряду с ритуальным значением приобретает и чисто практическое. Слово *sors* получает новое осмысление: выражая собственно религиозные действия, этот термин вместе с тем отражает и пережиточный характер явлений.

С гаданием тесно связано у Генриха и жертвоприношение. Генриху нужно было создать впечатление, что религия «коварных» и «вероломных» племен требует человеческих жертв, но сами факты, им же приведенные в «Хронике», этот тезис полностью опровергают. Во всех случаях, где речь идет о человеческих жертвоприношениях, такой жертвой всегда выступает представитель церкви. В 1186 г. ливы решают принести в жертву своим богам Теодориха, брата ордена цистерцианцев, за то, что жатва у него была обильная, а на их полях погибла, затопленная дождями²³. В другом случае в жертву также намечается священ-

¹⁹ «Хроника», I, 10.

²⁰ Титмар Мерзебургский, Хроника, VI, 17.

²¹ «Хроника», XX, 2.

²² Там же, XI, 7.

²³ Там же, I, 10.

ник.. Его посадили на тучного быка, так как сам он был не менее тучен, вывели из замка и стали решать жребием, кого богам угодно избрать в жертву, священника или быка, и пал жребий на быка, которого тотчас же убили»²⁴. И, наконец, в третьем случае, в 1205 г., ливы нападают на пилигриммов, вышедших из замка Йесколы за хлебом ливов, «а некоторые из этого числа принесены в жертву своим богам и погибли в ужасных мучениях»²⁵.

Разумеется, эти убийства нельзя назвать ритуальными: во всех приведенных случаях мы имеем дело с актом политическим, актом борьбы против захватчиков и эксплуататоров. Следует заметить, что тенденциозную окраску подобные факты приобретали и у других немецких хронистов, у которых акты политической борьбы также трактуются как ритуальные убийства, причем жертвой опять-таки оказывается служитель церкви.

Стремясь показать приверженность прибалтийских народов к принесению человеческих жертв, Генрих вместе с тем сообщает, что наряду с гаданием они стараются умиловить своих богов закланием животных. Чтобы снискать милость богов перед походом на замок Беверин, где засели немцы в 1211 г., эсты закалывают быков и другой скот. Если при этом, как было и при гадании, убиваемое животное падает на левую сторону, то это служит дурным предзнаменованием и выражает пнев богов²⁶. Ливы в 1212 г. воздают честь своим богам по древнему обычаю (*antiquae consuetudines*), убивая им в жертву собак и козлов. Отдельные части зарезанных животных, как пишет Генрих, демонстративно бросают в лицо побежденным христианам²⁷.

В связи с этим обращает на себя внимание полное отсутствие указаний в «Хронике» на приношения языческому божеству злаков, хорошо известные у славян. Отсутствие этого тем более удивительно, что Прибалтика ко времени Генриха была страной с уже старой и развитой земледельческой культурой, что отражено и в «Хронике». О земледелии леттов, эстов и ливов Генрих говорит как об одном из основных занятий, особенно последних: часто упоминает он о созревших ливских нивах, о запасах хлеба, которые они имели в своих укрепленных пунктах; как упоминалось, брата ордена цистерцианцев они чуть не предали смерти за то, что жатва у него оказалась обильной, а у них погибла; до появления немцев здесь известно плужное земледелие. Вирония (одна из областей Эстонии) характеризуется Генрихом как страна, замечательная своими равнинами полей²⁸. Наконец, о развитом земледелии свидетельствуют данные археологии: уже в I—II вв. н. э. известны сельскохозяйственные орудия в виде серпа и косы.

Но у Генриха земледелец, житель Прибалтики, в своих приношениях богам жертвует только домашний скот, причем подчеркивается древность этого обряда (*antiquae consuetudines*). Остается предположить, что в период возникновения обычая жертвоприношения у прибалтийских народов они были скотоводами, еще не знавшими земледелия, а став земледельцами, сохранили приверженность старому обряду, не дополняя его возношением злаков. У славян же, соседивших с ними и уже знавших земледелие на той же стадии религиозного мировоззрения (на которой появляется жертвоприношение), в круг возношений попадают и домашний скот, и злаки. Напрашивается вывод уже историко-хозяйственного значения — что славяне, окружавшие с востока, юга и юго-запада прибалтийские племена, раньше узнали земледелие и что именно от славян земледелие распространилось в Прибалтике.

²⁴ Там же, XXX, 1.

²⁵ Там же, IX, 12.

²⁶ «Хроника», XV, 3.

²⁷ Там же, XVI, 4.

²⁸ «Хроника», I, 10; II, 9; XXIII, 7.

Нередко в «Хронике» Генриха проскальзывают как бы не замеченные им самим немаловажные черты духовной жизни народа. Так можно расценивать небольшой, но весьма характерный штрих в его рассказе о деятельности епископа Альберта, относящейся к 1209 г. Генрих пишет, что Альберт отправился на гору Куkenойс, где был прежде форпост полоцкого княжества, и велел укрепить ее для нужд немцев. По ходу рассказа Генрих пишет следующее: «отправившись туда и найдя самую гору покинутой и по нечистоплотности прежних жителей кишашей червями и змеями (*vermeribus ac serpentibus*), велел поручить очистить ее и наново укрепить валами»²⁹. Почему вдруг Генрих упоминает червей и змей? Они не стоят ни в какой связи с его рассказом о действиях его епископа. Между тем для воссоздания древнего культа это замечание имеет важное значение. Здесь говорится о горе (*mons*), кишашей червями и змеями. Именно здесь, в Прибалтике, змея, видимо, прочно заняла место в мировоззрении. Достаточно вспомнить типичные украшения знаменитого Люцинского могильника, в большинстве относящиеся к IX—X вв., где браслеты со змеиными головками составляют чуть ли не массовое явление³⁰. Аналогичным указанием на древнее поклонение змее в этих землях может служить сообщение Геродота о неврах, которым пришлось покинуть свою страну потому, что земля их произвела множество змей³¹.

В 60—80-х годах XVI в. Стрыйковский сам видел, что в Литве народ боготворил черных ужей. Там до сих пор считается грехом убить ужа, а сказки этих мест о необыкновенной красоте царя змея, о чудных переливах красок на его коже, об алмазном гребешке на голове, об ужасном свисте ужиного царя, слышном по всей Литве, подтверждают существование здесь древнего культа змеи³². Генрих же попутно упоминает о змеях, видимо, и не подозревая об этом.

Специфически языческой чертой в глазах Генриха является многоженство, зафиксированное им у эстов и куров, рецидивы которого после принятия отдельными племенами христианства он рассматривает как возвращение к старым верованиям. Одним из преступлений эстов во время мощного восстания против немцев в 1222—1223 гг. является то, что «жен своих отпущенных (*uxores dubissa*) после принятия христианства они снова взяли к себе»³³.

В многоженстве эзельцев, особенно во взятии ими в жены пленных христианок, Генрих видит одну из побудительных причин для организации крестового похода: «Не может быть союза у Христа с Велиалом и доброй связи у язычника с христианкой»³⁴ — восклицает он, цитируя Библию. От Генриха узнаем, что эзельцы брали себе по две-три жены из числа пленниц; что они, будучи хорошими мореплавателями, привозили заморских пленниц из Скандинавии, продавая их курам и другим племенам. Генрих отмечает, притом дважды, и обычай умерщвления жены после смерти мужа³⁵, известный у многих народов. Он не только фиксирует этот обычай, но пытается проникнуть в его смысл. «Один священник, бывший в плену у литовцев, по имени Иоанн, рассказывал, что там пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились. Это потому, конечно, — продолжает он, — что они надеялись служить им и в другом мире»³⁶. Здесь обращает внимание необычный способ самоумерщвления через повешение, практиковавшееся по крайней мере

²⁹ «Хроника», XIII, 1.

³⁰ «Материалы по археологии России», № 14. Люцинский могильник.

³¹ В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1, 1893, стр. 41—42.

³² А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. III, стр. 577.

³³ «Хроника», XXVI, 8.

³⁴ Там же, XXX, 1.

³⁵ Там же, IX, 5.

³⁶ Там же.

у литовцев. В 1221 г., потерпев поражение в бою с немцами, они, по слову Генриха, в количестве пятисот человек повесились в лесу³⁷. В последнем обстоятельстве (повешение именно в лесу), возможно, кроются еще живые связи с культом дерева, с которым, повидимому, и на Руси было связано подвешивание к дереву трупов волхвов, как, например, убитых после восстания 1071 г.; вспомним и просьбу умирающей мордовской девушки:

Не хороните меня, батюшка, на кладбище,
Похороните меня около большой дороги,
Около большой дороги на старом дубе³⁸.

Говоря о победе немцев в 1210 г., Генрих подмечает обычай добывать раненного соплеменника. «Как только кто-нибудь из них падал раненный камнем из метательных орудий и баллистариев, тотчас же брат его или другой соратник (*frater aut consocius*) добывал раненого, отрубая голову»³⁹. Как обычно, Генрих не дает объяснения этому факту. В качестве параллели может быть привлечено известие Льва Дьякона о русских, которые не сдавались неприятелю, но вонзали себе меч под сердце, будучи уверенными, что, погибнув от руки врага, они и на том свете будут служить своим убийцам в качестве рабов. Возможно, что таковы же были представления и у куров.

Повествуя об одном из сражений с литовцами, Генрих усматривает у них обычай, свойственный и другим народам: в случае невозможности воздать почести убитому воину или вождю, стараются заполучить его голову, которая олицетворяет умершего. Захватив в плен вождя ливов Ульдеvene, они обменивают его на голову убитого литовского вождя (*dux*), «чтобы, получив хотя бы голову, там могли бы ему справить должное погребение с пиром по обычаю язычников»⁴⁰. Если же не удавалось добыть тело или голову, литовцы, возможно, ставили убитому могильный памятник; так можно объяснить могильные памятники без погребений, но с инвентарем, которые встречаются и в Прибалтике,— это акт отдачи последней почести погибшему на чужбине воину.

Еще Геродот отмечает трофейное значение голов убитых врагов, которые служили украшением жилища победителей. То же подмечает Генрих у прибалтийских народов: «Теодор Силлинг из дружины епископа, наткнувшись на сидевшего в санях Свельгате (литовского князя.— Ф. Г.), того, что собирался уничтожить град божий, пронзил ему так бок копьем, а семигаллы, увидя, что он бьется в предсмертных судорогах, отрубили ему голову, положили на свои сани, куда они складывали одни головы убитых литовцев, повезли в Семигаллию»⁴¹. То же отмечает он у леттов, где старейшины уносят к себе на родину голову убитого по законам родовой местности представителя враждебного племени⁴².

Генрих сообщает и обряды захоронения мертвых. «Но эсты, потеряв столько убитыми, и не думали догонять леттов, много дней в печали собирали трупы убитых леттами и сжигали их в огне по своему обычаю с плачем и возлияниями (*lamentationibus et rotationibus*)»⁴³. О том же говорит он в связи с поражением эстов в 1210 г.

Этим ограничиваются сведения о древнейших верованиях и религиозных обрядах в повести средневекового хрониста. Несомненно, сведе-

³⁷ «Хроника», XXV, 4.

³⁸ Н. Воронин, Медвежий культ в Верхнем Поволжье, Материалы и исследования по археологии СССР, № 6, 1941, стр. 158.

³⁹ «Хроника», XIV, 5.

⁴⁰ Там же, XVII, 5.

⁴¹ Там же, IX, 4.

⁴² Там же, XXI, 3.

⁴³ Там же, XII, 6.

ния Генриха не выдуманы, в большинстве своем они не внушают подозрения в неправдоподобности, разве что за исключением приписываемых народам Прибалтики человеческих жертвоприношений. Генриха можно упрекнуть не в том, что он выдумал несуществующее, а в том, что он многое скрыл, придав всем этим верованиям характер убожества.

Показания Генриха приобретают еще большее правдоподобие в связи с тем, что многие из них подтверждают археология и этнография Прибалтики. Выше уже говорилось о комплексе явлений, связанных с культом змеи, и об обилии изображений змеи в типичных местных металлических украшениях, о распространенности легенд, поверий и сказок, связанных с этим культом. Упомянутый Генрихом обычай приносить в жертву быка наблюдался Стрыйковским в Литве в XVI в. — со всеми чертами языческого обряда: по окончании полевых работ вводили быка, предназначенного к жертвоприношению богу оплодотворения; присутствующие с ожесточением бросались на свою жертву с кольями и палками и убивали до смерти, приговаривая: «вот тебе наша жертва, боже земли, благодарим тебя за то, что ты сохранил нашу жизнь в истекшем году, защити же нас и в будущем от врага, меча, морового поветрия». Мясо убитого быка жарилось, часть съедалась, а часть закапывалась как жертва богу земли⁴⁴. О принесении в жертву козла говорит и известная присказка, имеющая широкое хождение в белорусско-литовском Полесье: «за рекою, да за быстрою леса стоят дремучие, во тех лесах огни горят, огни горят великие, вокруг оней скамьи стоят, скамьи стоят дубовые, на тех скамьях добры молодцы, красны девицы поют песни колядушки, во середине их старик сидит и точит свой булатный нож, возле него козел стоит, хотят козла зарезати»⁴⁵.

О тризнах, сопровождаемых плачем, про которые Генрих говорит в связи с захоронениями, свидетельствуют многочисленные археологические памятники — каменные кучи и круги из камней в ближайшем соседстве с древними могилами. Здесь находят кости домашних животных, обломки грубой глиняной посуды и другие предметы. Места эти овеяны преданиями и легендами и называются либо «чортовыми могилами», либо «чортовыми кучами». Иногда их происхождение связывается с неудавшейся попыткой построить церковь, которая затем провалилась. Легенды воскрешают, должно быть, то религиозное значение, которое в языческое время имели эти памятники⁴⁶.

Манера изложения «Хроники» Генриха крайне затрудняет установление последовательности возникновения культовых явлений, им описанных. В этом отношении приходится довольствоваться лишь предположениями. Обожествление дерева, изгнание враждебной силы водой можно рассматривать как обычай, древнейший по сравнению, скажем, с обрядом приношения в жертву животных, предполагающим развитое скотоводство. Культ змеи имеет более глубокие корни, чем клятва оружием, более характерная для общества с разлагающимся родовым строем. Все эти предположения носят столь же отрывочный характер, сколько отрывочны и скудны сведения Генриха, не ставившего своей задачей дать систему мировоззрения врагов своей церкви. И все же они драгоценны тем, что никто, кроме Генриха, не оставил даже таких скромных свидетельств. Воссоздать полную картину древних верований народа по его сведениям, конечно, невозможно, но в связи с данными археологии и этнографии они приобретают большое значение как первые по времени письменные свидетельства о духовной культуре народов Прибалтики.

⁴⁴ Kronika polska, litewska, zmujska i wszyskiej Rusi Macieja Strijkowskiego, Warszawa, 1846, стр. 147—148.

⁴⁵ И. Срезневский, Указ. раб., стр. 73.

⁴⁶ А. Харузин, Обзор донсторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей, Временник Эстляндской губернии, 1894, стр. 141.